

© — 1994 Н. И. БАЛАШОВ

ВОЗДАЯНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

(Поздний Бретон и вклад французского сюрреализма
в культуру XX столетия)

Имеется в виду не только воздаяние политической справедливости (хотя это также разясняется). Самым трудным было дать ключ к художественно-общественной (эти понятия рассматривались сюрреалистами неразрывно) системе сюрреалистического письма, ключ, который объяснил бы и полную закрытость сюрреализма для одной части общества, восторженное его приятие другой частью, а также его стойкое и довольно универсальное влияние на поэзию и живопись, особенно на Западе.

Сюрреалисты не удовлетворялись деформацией действительности, обусловленной тем свойственным катастрофическому XX в. усилением выразительности искусств за счет их изобразительности, которое почувствовали Аполлинер, Пикассо, фовисты, кубисты, немецкие экспрессионисты, Реверди, Де Кирико, Кандинский.

Для сюрреалистов задача была не в деформации в искусстве, а в полном его дисформировании. Надо было идти только от внутреннего, передавать только внутреннее, не дошедшее до обработки сознанием — сны, кошмары, мечты, совершенно неожиданные ассоциации — в надежде, что «объективный случай» (термин, сложившийся под влиянием Гегеля и Энгельса) именно так, без тормозов разума откроет, покажет, воплотит будущее, осуществит то, о чем, по представлению сюрреалистов мечтали Фурье, Маркс, Ленин, Фрейд. Знаки, привлекаемые для показа бессознательного и игры «объективного случая», не должны были в сюрреалистическом тексте (все равно — в поэтическом, живописном, скульптурном), не должны были быть изображением чего-нибудь внешнего, а лишь знаками внутреннего.

Можно печалиться, можно радоваться по поводу такого переворота, но он был грандиозным переворотом, открывшим раннему Элюару, раннему Арагону, Рене Шару, Бретону всех лет, художникам Эрнсту, Магритту, Массону и многим другим новые возможности поэтического выражения неизведанного. Сюрреалисты не любили говорить о музыке, ибо их открытия можно было в некоторой степени толковать, как перенесение на все искусства принципа музыки, особенно инструментальной. Но для других искусств это был неизмеримый «*écart absolu*» («расстык», «разрыв», «разруб») с прошлым.

Чтоб объяснить, что такое сюрреализм и что такое «*écart*», Бретон строил притчу о Колумбе, ведомом «объективным случаем». Чтобы открыть Восток, Колумб держал курс на запад, он смело перевернул систему координат, ориентированную на Северный полюс, взяв, в противоположность великим португальским мореходам, путь вправо по отношению к Южному полюсу. Колумб открывал путь в Индию, а «объективный случай» привел его к невероятному, к открытию всего Нового Света! Одной «деформации» на это бы не хватило.

Все сказанное демонстрируется в статье, прежде всего, на материале стихов, художественной прозы и статей Бретона второй половины его жизни.

The article is concerned with indebtedness of the 20-th century culture to the late French Surrealism and with the Giving the Due to Breton doing justice not only in political terms (though the latter is also clarified). The most difficult thing was to find the key to the aesthetical and sociological (these notions were regarded by surrealists as indivisible) system of surrealist writing, the one which would have made clear the impenetrability of Surrealism for one part of the society, its enthusiastic acceptance by the other as well as its continuous and comprehensive influence on the poetry and painting, particularly in the West.

Surrealists were not satisfied by deformation of reality, due to the enhancement of «expressiveness»